

*Е. Н. Васильева**

**«САМЫМ ДИКИМ ИЗ ЛЮДЕЙ БЫЛ ЦАРЬ»:
ПЕТР I ГЛАЗАМИ МОНТЕСКЬЕ****

В статье рассматриваются особенности восприятия личности и реформаторской деятельности царя Петра I у Ш.-Л. Монтескье. Петровская тема раскрывается на материале не только магистральных сочинений писателя (роман «Персидские письма» и трактат «О духе законов»), но и вспомогательных текстов (сборники мыслей и наблюдений). В частности проанализированы происхождение сведений о Петре I и их интерпретация. Особое внимание уделяется устным источникам — свидетельствам очевидцев, которые способствовали формированию специфически негативного образа русского царя. В статье продемонстрировано, что Монтескье опирается на существующую европейскую традицию первой половины XVIII в., но значительно переосмысляет ее, ставя под сомнение широко распространенный взгляд на Петра I как на гениального правителя.

Ключевые слова: Петр I, Монтескье, образ, варвар.

E. N. Vasilyeva

**«THE MOST BARBAROUS OF ALL THE PEOPLE WAS THE TSAR»:
PETER THE GREAT THROUGH THE EYES OF MONTESQUIEU**

The paper deals with the specific perception of the tsar Peter the Great's personality and reforms by Montesquieu. The Petrovian topic is examined through the main writings of the French philosopher (the novel "Persian Letters" and the treatise "The Spirit of Laws"), but also through several secondary texts (the notebooks). The paper seeks to explore the sources of knowledge on Peter the Great and their interpretation. Particular attention is given to the oral sources — the accounts of eyewitnesses which contributed to form a specific negative

* Васильева Екатерина Николаевна, кандидат филологических наук, старший преподаватель Кафедры истории зарубежных литератур филологического факультета, Санкт-Петербургский государственный университет; katia_vasilyeva@mail.ru

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, в рамках научного проекта № 19-011-00247 «Монтескье в отечественной и мировой философии и культуре: история и современность».

image of the Russian tsar. It was demonstrated that Montesquieu's conception of Peter the Great is based on the European tradition of the first half of the XVIIIth-century, but it is largely reinterpreted by the writer who contests the common representations of the tsar like a genius sovereign.

Keywords: Peter the Great, Montesquieu, image, barbarian.

«До сих пор лишь у людей, исключительно привязанных к географии или всеобщей истории, могло возникнуть намерение узнать Московию; но путешествие, которое его царское величество только что совершил во Францию, и его визит в Париж пробудили *всеобщее любопытство*» (курсив мой. — Е. В.) [13]. Это и подобные ему высказывания, которые нередко встречаются на страницах описаний путешествий в Россию первой половины XVIII в., емко резюмируют ту атмосферу, которая была вызвана в Европе вторым заграничным путешествием Петра I, продолжавшимся с января 1716 по октябрь 1717 г., и прежде всего его пребыванием во Франции. Французскому эпизоду действительно было суждено сыграть исключительную роль в истории идей: визит Петра I во Францию, по сути, открыл Россию для французов, положив начало диалогу между двумя странами. После долгого периода абсолютной незаинтересованности и пренебрежения, продолжавшегося несколько столетий, Россия оказывается в эпицентре политического, но также и философского интереса французских просветителей.

Будучи значимым событием международной политической жизни, визит Петра I во Францию и в особенности его пребывание в Париже были подробно освещены франкоязычной прессой, в частности авторитетными изданиями “La Gazette de France” и “La Gazette d’Amsterdam” [9, с. 44]. К слову сказать, именно эти газеты, наряду с более молодой лондонской “The Whitehall Evening Post”, основанной Д. Дефо, составляли основной круг источников политической информации для Ш.-Л. Монтескье. Ряд газетных вырезок из этих изданий, представлявших, по всей видимости, определенный интерес для французского писателя, был им сохранен в сборниках «Pensées» и «Spicilège», предназначенных преимущественно для записи собственных мыслей, а также цитат из произведений других авторов. В числе газетных вырезок довольно многочисленны те, которые имеют отношение к делам российским, однако упоминание о Петре I встречается лишь однажды. В статье, извлеченной из “La Gazette d’Amsterdam” (которую Монтескье, по традиции своих соотечественников, называет “Gazette de Hollande”) от 14 января 1718 г., сообщается об избрании Петра I почетным членом парижской Академии наук. В частности, автор статьи приводит подробности, связанные с отправкой новоизбранному члену экземпляра «Истории Королевской Академии наук», упомянув также благодарственное письмо, содержащее заверения в том, что «через тщательное изыскание всего, что его величество сможет обнаружить нового и любопытного в своих владениях, он попытается... заслужить имя достойного члена этой прославленной академии» [11, с. 729].

О том, какое значение придавали в Европе визиту Петра I в Париж, свидетельствует также обильная литературная продукция самой различной жанровой природы — драматические произведения, памфлеты, мемуары и пр. Это со-

бытие послужило серьезным импульсом для формирования интереса к фигуре русского царя как персонажа художественного произведения и, как следствие, способствовало развитию петровской темы во французской литературе. Не будучи собственно историческими документами, эти сочинения тем не менее представляют исторический интерес, т. к. свидетельствуют о специфике восприятия личности и деятельности Петра I его европейскими современниками. Особенность рецепции заключается прежде всего в самой амплитуде реакции, которая колеблется от восторженного одобрения до жесточайшей критики. Как правило, предметом восхищения европейских авторов были выдающиеся качества Петра I как правителя: твердое намерение модернизировать страну, его независимый взгляд на ряд принципиальных вопросов социальной политики (меры, нацеленные на раскрепощение женщин, идея превосходства личной заслуги над происхождением) и религии (толерантность в отношении протестантов). В свою очередь, линия обвинения выстраивается преимущественно на критике царских манер, которые квалифицируются авторами как грубые, дикие, варварские. В числе наиболее распространенных общих мест в изображении Петра I во французской литературе XVIII в. следует отметить упоминания о пугающей внешности, сумасбродном поведении, пристрастии к алкоголю, вольном обращении с женщинами. Любопытно, что подобного рода гривуазные анекдоты о русском царе встречались во французской литературе еще задолго до знаменательного визита в Париж. Достаточно упомянуть анонимную книгу «Воспоминания шеваляе Азара», опубликованную впервые в 1703 г.: «никому никогда не доводилось видеть монарха со столь необычайными манерами»; «он походил больше на медведя, чем на человека»; «барышня не могла отвести от него глаз; ему вздумалось, будто он вызывает в ней такой же пыл, что и она в нем... он хотел было обнять ее без всяких церемоний; но она не пожелала этого терпеть и грубо оттолкнула его, отчего он весьма оскорбился. Он бросил ей какое-то грубое слово и захотел получить, силой то, чего добивался лаской»; «ему принесли водки с перцем... это было его обычное питье, он пил ее как обычную воду»; «когда его наконец удалось разбудить, он так разгневался, что готов был всех убить; никто не осмеливался приблизиться к нему, настолько он был разъярен» [8, с. 213–220].

Примечательно обращение Монтескье к петровской теме в контексте романа «Персидские письма» (1721). Учитывая относительную устойчивость представлений о Петре I в интеллектуальном пространстве Европы, очевидно, что образ царя у автора «Персидских писем» не является оригинальным: письмо LI, в котором раскрывается эта тема, почти полностью скроено из более или менее точно воспроизведенных выдержек, взятых из популярных в свое время сочинений о России, преимущественно из описаний путешествий. К примеру, автор письма, посланник Персии в Московии Наргум, пишет Узбеку о Петре I: «Он абсолютный властелин над жизнью и имуществом своих подданных...» [2, с. 80] Это высказывание дословно совпадает с текстом книги англичанина Джона Перри «Состоянии России при нынешнем царе», пользовавшейся особым вниманием Монтескье: «Корона Московии передается по наследству, а власть монарха столь деспотична, что он является *абсолютным властелином над жизнью и имуществом своих подданных*» (курсив мой. — Е. В.) [13, с. 8]. Между

тем, эти слова не принадлежат самому Перри. Оригинал сочинения был издан в Лондоне в 1716 г. под названием «The State of Russia under the present Czar», однако уже в 1717 г. вышло в свет сразу несколько изданий на французском языке. В частности, Монтескье пользовался парижским изданием, в котором собственно перевод сочинения Перри был дополнен исторической частью от издателя, основанной на различных свидетельствах «лучших историков». К такому более раннему источнику восходит и высказывание об абсолютной власти русских монархов. Возможно, источником послужило «Описание трех посольств графа Карлейля», автор которого еще в 1669 г. писал: «Правление в Московии не только монархическое, но также и деспотическое, или тираническое, потому что цари являются не только монархами, но и господами и полными властелинами над жизнью и имуществом своих подданных» (курсив мой. — Е. В.) [10, с. 344].

В том же письме ЛН Наргум касается принципиального вопроса о реформаторской деятельности Петра I и ее восприятию его подданными: «Но царствующий ныне государь решил все переменить. У него вышла большая распря с ними по поводу бород...» [2, с. 81] Монтескье не останавливается подробно на этом сюжете, лишь вскользь упомянув о негодовании, с которым была встречена инициатива царя по борьбе со старообрядческой традицией ношения бороды. Между тем, эта частная тема борьбы с бородами впоследствии настойчиво проникает в различные тексты Монтескье, прежде всего на страницы трактата «О духе законов» (1748). Например, писатель намекает на нее в кн. XI гл. 2 «Различные значения, придаваемые слову “свобода”»: «Некий народ долгое время принимал за свободу обычай носить длинную бороду», уточняя в примечании: «Московиты не могли смириться с тем, что царь Петр их стриг» [3, с. 136].

Но, пожалуй, наиболее симптоматично появление этой темы в контексте кн. XIX гл. 14. В этой главе, носящей название «Каковы естественные средства изменения нравов и обычаев народа», Монтескье излагает свою идею о принципах справедливого управления. В частности говорит о том, что если монарх намерен произвести серьезные перемены в жизни своего народа, он «должен преобразовать посредством законов то, что установлено законами, и изменять посредством обычаев то, что установлено обычаями» [3, с. 265]. С точки зрения автора «Духа законов», менять существующие нравы и обычаи народа на новые путем внедрения закона недопустимо, поскольку речь идет о категориях разного порядка. Необходимо, чтобы нравы и обычаи, будучи естественным проявлением духа народа, эволюционировали естественным путем. Между тем, Монтескье пишет: «Закон, обязывавший московитов брить бороду и укорачивать платье, и насилие Петра I, приказывавшего обрезать до колен длинные одежды каждого, кто входил в город, были порождением тирании» [3, с. 265].

В глазах французского писателя сам факт того, что Петр I намеревался изменить старинные обычаи русского народа (обычай носить длинную бороду и длинные одежды) и приблизить их к европейским, являл собой положительную инициативу. Однако царь стремился к тому, чтобы его замысел был осуществлен сиюминутно, для чего прибегнул к наиболее эффективному,

но вместе с тем и наиболее радикальному способу — закону, обязывающему его подданных следовать новой моде. Именно в этом, по мысли Монтескье, и состояла его главная ошибка, поскольку была выбрана неверная политическая тактика. Вместо того, чтобы действовать мягкостью, посредством примера, Петр I использовал тиранические меры по отношению к своему народу и тем самым проявил себя плохим законодателем. Для Монтескье подобная линия поведения является существенным аргументом в пользу идеи о деспотическом характере власти в России. Очевидно, что многократное возвращение Монтескье к тому эпизоду русской истории, который связан с петровским «законом о бороде», неслучайно и что вообще интерес к фигуре Петра I проистекает не из простого «любопытства», которым отмечена французская литература первой половины XVIII в., а из серьезного раздумья над проблемой законодателя, которая имеет принципиальное значение в системе идей Монтескье.

Притом что «Персидские письма» и «Дух законов» содержат, безусловно, основной материал, из которого формируется образ не только Петра I, но и России в целом, специфика этих книг состоит именно в том, что они представляют собой законченные, хорошо продуманные сочинения, предназначенные для широкого распространения. На фоне «отшлифованных» высказываний, содержащихся в главных сочинениях Монтескье, выделяются мысли, заключенные в сборниках “Pensées” и “Spicilège” — своего рода интеллектуальной лаборатории писателя. По определению К. Дорнье, эти книги образуют некий авантекст — комплекс идей, предназначенных для дальнейшего употребления в ином дискурсивном пространстве [7, с. 304]. Эти спонтанные идеи, не подвергшиеся авторской самоцензуре или какому-либо переосмыслению, способны существенно дополнить образ русского царя, обнажив в нем новые грани.

В частности, “Pensées” и “Spicilège” содержат записи устных сообщений иностранных собеседников Монтескье. Эти записи относятся преимущественно к 1728 г., т. е. к периоду, когда писатель находился в начале своего трехлетнего путешествия по Европе. Европейский grand tour, в ходе которого Монтескье посетил Австрию, Венгрию, Италию, Германию, Голландию и, наконец, Англию, продолжался с апреля 1728 по май 1731 г. Первым и одним из важнейших направлений этого путешествия была Вена. Этот город — своего рода перекресток дипломатического мира в эпоху Просвещения — являл собой в высшей степени идеальное место встреч для занимающих известное положение иностранцев. Монтескье прибыл в Вену в сопровождении своего друга лорда Вальдеграва, только что назначенного послом английского короля в Вене, и благодаря этому обстоятельству легко был принят в венское дипломатическое общество. Именно здесь ему случилось завязать связи с несколькими иностранцами, которые и сообщили ему некоторые сведения о личности и политической деятельности Петра I. В отличие от многих других «мыслей», эти сведения напрямую не были использованы писателем впоследствии при работе над соответствующими главами «Духа законов», но они определенно способствовали формированию специфического образа русского царя, подтверждая некоторые «предустановленные» идеи Монтескье, сложившиеся на основании прочитанных им книг.

Среди венских собеседников Монтескье стоит упомянуть датчанина Эверта (Эдуарда) Дейхмана. В 1725 г. Дейхман был назначен командующим флотом

Священной Римской империи и проявил достаточную энергию, предприняв ряд инициатив по реформированию флота и его стратегическому развитию. Согласно записи в “Spicilège”, сделанной Монтескье со слов адмирала, прежде чем принять командование императорским флотом, Дейхман намеревался поступить на русскую службу. Случай предоставился в Варшаве, где Дейхман мог лично видеть Петра I, однако встреча произошла на датчанина крайне негативное впечатление, видимо, послужившее причиной его отказа от своего намерения. Сведения, почерпнутые Монтескье из бесед с датским адмиралом, касаются преимущественно нравов Петра I, который изображен как человек «склонный к пьянству», «страшный во хмелю» и «совершенный безбожник» [11, с. 830]. В частности, Дейхман сообщал следующие подробности: «...он запер в закрытом помещении десяток мужчин, которых нарек кардиналами, напоил их водкой, заставляя отпивать с ложки как будто для причащения. Затем заставил их пройти процессией, чтобы избрать Папу. <...> Чтобы высмеять греческую религию, он заставил нарядить шута патриархом и усадил рядом с собой за стол» [11, с. 830].

Монтескье лишь фиксирует анекдот, не вынося никаких оценок событиям, которым, по всей вероятности, ни он сам, ни его собеседник не были в состоянии найти какого-нибудь более или менее подходящего объяснения. Между тем, сцены, свидетелем которых был Дейхман, являются не чем иным, как шутовской затей Петра I, известной как «Всешутейший, всепьянейший и сумасброднейший собор». Как многократно отмечалось исследователями этого явления, Собор, где главные роли были распределены между первыми сановниками государства, политическими единомышленниками царя, был своего рода пародийным социальным институтом, структура и церемониал которого были разработаны самим Петром I как жестокая карикатура на структуру и церемониал церкви, прежде всего православной. Традиционно расцениваемые как увеселительное действо, Соборы в известном смысле продолжают, хотя, как отмечает Л. А. Трахтенберг, и в несколько маргинальном ключе, европейскую традицию карнавальная культуры, уходящую корнями в Средние века [4, с. 89–90]. Вместе с тем они выходят далеко за рамки сугубо шутовского действия, являя собой свидетельство революционного характера преобразовательной деятельности Петра I в области религии, которая в конечном счете была нацелена на отделение церкви от государства. Именно потому, что истинный смысл петровской затей в том виде, в каком она была изображена Дейхманом, не был понятен Монтескье, писатель не дал дальнейшего развития этому сюжету. Вместе с тем рассказ датчанина дополнял портрет Петра I новыми непривлекательными чертами.

Представляется, что из числа венских информаторов наибольшее воздействие на Монтескье оказал португалец Жуан Гомеш да Силва, граф де Тарука. На момент встречи в Вене граф исполнял функции полномочного министра Португалии, зарекомендовав себя как влиятельный политик, в частности за счет значительного вклада в работу мирного конгресса в Утрехте, призванного положить конец Войне за испанское наследство подписанием Утрехтского мирного договора в 1713 г. Как отмечает И. Клуни, обширная переписка графа, в которой нашли отражение его колоссальный опыт дипломатической работы и глубокое

знание политических интриг крупнейших дворов центральной и северной Европы, содержит исчерпывающие сведения для изучения внешней политики этих стран в первой половине XVIII в. [5, с. 427]. Монтескье, очевидно, полностью разделяет общее мнение о своем собеседнике и выражает ему абсолютное доверие. В своих путевых заметках, впервые опубликованных лишь в XIX в. под названием «Путешествия», Монтескье скажет о нем: «...человек очень уважаемый, в том числе и самим императором [Карлом VI], которому он оказал не одну услугу, когда тот был еще Карлом III в Португалии, человек приветливый, обходительный, любезный, рассудительный, к тому же очень умен» [12, с. 13].

Неудивительно, что Монтескье с особым вниманием отнесся к сообщению графа де Тарука о Петре I, зафиксированному им с мельчайшими подробностями. Рассказ графа, очевидно, произвел на Монтескье сильнейшее впечатление, которое нашло выражение в словах: «Самым диким из людей был царь. Во время своего второго голландского путешествия он был еще диче» [11, с. 828]. Петр I находился в Голландии в то самое время, когда граф завершал там свою очередную дипломатическую миссию. По свидетельству графа, во время своего голландского путешествия царь демонстрировал поведение, недостойное монаршей особы: разъезжал без сопровождения в повозке, которая от быстрой езды на глазах очевидцев опрокинулась в канал, раздавал пощечины всякому, кто осмеливался подойти слишком близко, и пр. Между тем, рассказ графа содержит не только свидетельства голландских происшествий, но и множество других событий, не имеющих отношения к голландскому периоду и вообще не относящихся к разряду личных свидетельств. Многие из описываемых событий произошли через много лет после возвращения Петра I из заграничного путешествия и, кроме того, носят очень личный, даже интимный характер:

Он [граф де Тарука] говорил также, что... он [Петр I] был отравлен царицей. Обнаружилась ее связь с одним французом, а после смерти сына, которого он назначил своим преемником, он решил умертвить ее и жениться на наследнице греческой династии, которая живет в Московии и якобы имеет какие-то права на Константинопольскую империю, чтобы однажды ими воспользоваться; — что императрица, опасаясь этого, сказалась беременной, чтобы остановить его; — что в этот период царю вдруг разохотилось ее ... [ср. в тексте: «le Czar un jour se trouva en goût de b... pour elle »], так что он сказал ей: «Нужно признать, ты пленяешь меня, я вздумал было отделаться от тебя, но более не осмеливаюсь»; что она приняла это к сведению и что она и Меншиков сделали свое дело... [11, с. 828–829]

Сбивчивый, фрагментарный рассказ графа на первый взгляд представляет собой мозаику невероятных фактов, на фоне которых отчетливо просматриваются контуры отталкивающего портрета царя: человек, не знающий меры, одинаково страшный как в страсти, так и в ненависти, способный к крайним проявлениям любви, которые таят в себе опасность молниеносно и беспричинно обернуться безжалостным преследованием, — и сами чувства его, и образ действий чрезмерны, гипертрофированны, безрассудны. Это в равной мере касается всех сфер его жизни и деятельности: семьи, дружбы, политики.

Между тем, все упомянутые факты так или иначе соотносятся с реальными фактами биографии Петра I. Действительно, отравление — одна из версий

кончины царя в 1725 г. Согласно этой версии, к отравлению были причастны приближенные царя, в первую очередь, Екатерина I и князь Меншиков. Далее граф упоминает о связи царицы с неким французом — вероятно, речь идет о камергере Екатерины I, немце (а не французе) Виллиме Монсе, пользовавшемся милостью царицы и казненном в 1724 г. Смерть сына, о которой говорится далее, была другой большой трагедией Петра I. Известно, что царь возлагал большие надежды на маленького Петра Петровича, видя именно его продолжателем своего дела, однако в 1719 г. трехлетний царевич умер, оставив российский престол без наследника. Известно также, что после его смерти вопрос о наследнике стал одной из основных забот царя — именно в этих обстоятельствах появляется княжна Мария Кантемир, сестра знаменитого поэта, русского посла в Лондоне, затем в Париже Антиоха Кантемира. Связь Петра I с княжной Кантемир была довольно прочной, и у Екатерины I были основания для тревог в случае, если бы ребенок родился. Что касается сведений о претензиях на «Константинопольскую империю», они также имеют под собой основание, хотя и не подтвержденное, согласно которому мать Марии Кантемир, Кассандра Кантакузен, вела свое происхождение от византийских императоров.

Граф де Тарука, которому Монтескье приписывает сообщение об этих событиях, казалось бы, демонстрирует глубокую осведомленность в отношении частной жизни русского царя. Однако стоит признать, что по объективным причинам он не мог быть свидетелем этих событий, которые, таким образом, восходят к иному источнику. Представляется, что происхождение этого рассказа может быть связано с таким явлением, как исторический анекдот. Жанр исторического анекдота был весьма популярен в XVIII в. в Европе, а затем и в России. Примечательно при этом, что как в Европе, так и в России, одним из наиболее популярных персонажей исторических анекдотов был русский царь Петр I. Повышенный интерес к царю как персонажу исторического анекдота свидетельствует одновременно о признании его исключительной роли в историческом процессе и о необходимости осмысления, поиска источников и мотивов его поступков, этой «чрезмерности», которая лежит в основе всех его действий. В свою очередь, в силу своей популярности анекдоты сыграли существенную роль в создании образа Петра I как в русской, так и европейской мысли [1, с. 19].

Как отмечает С. А. Мезин, применительно к XVIII в. исторический анекдот следует рассматривать в узком значении, как разновидность исторического повествования, при этом не отождествляя его напрямую с историей [1, с. 18]. Согласно определениям во французских словарях эпохи Просвещения, этим словом обозначались истории о тайных делах монархов, не предназначенные для обнародования. Например, словарь А. Фюретьера (1727) дает следующее определение:

Термин, которым пользуются некоторые историки, чтобы озаглавить историю о тайной или частной жизни монархов; т. е. воспоминания, которые до сих пор не были напечатаны и не должны были увидеть свет, потому что в них говорится либо слишком свободно либо слишком откровенно о нравах и поведении лиц высшего ранга [6].

В этом смысле история и исторический анекдот имеют разнонаправленный интерес. Если первая повествует прежде всего об историческом человеке и его великих деяниях, во втором акцент смещается на собственно человека в исторической личности, его нравы и поведение. Человек и государственный деятель выступают как две независимые категории. Следуя этой логике, собственно человеческие качества, поведение и образ жизни человека должны оцениваться независимо от его качеств как государственного деятеля. Плохой человек не обязательно является плохим законодателем. Наиболее распространенный взгляд на Петра I в Европе был именно таков: большинство европейских авторов, современников царя, отмечали его дурные манеры, но единогласно признавали его гениальным правителем, превратившим «варварскую» Московию в «цивилизованную» Россию. Многочисленные анекдоты, обнажая грубость нравов Петра I, тем не менее не отменяли величия его заслуг.

Однако позиция Монтескье существенно отличается. В контексте зарождающегося в Европе мифа об искусном монархе, творце новой нации Монтескье очень сдержан в оценке петровских реформ. Дело в том, что Монтескье не допускает разделения на человека и государственного деятеля: эти две ипостаси исторической личности, существующие во взаимодействии, оказывают непосредственное влияние друг на друга. Для Монтескье плохой человек не может быть хорошим государственным деятелем. Характеризуя Петра I как «самого дикого из людей», писатель, по сути, отказывает ему в том, что для большинства европейских просветителей составляло его основную заслугу. Монтескье одним из первых среди мыслителей Просвещения усомнился в Петре I именно как в государственном деятеле, связав его неудачу не с чем иным, как с его человеческими качествами. В глазах Монтескье грубые манеры царя выступают естественным препятствием для правильной и эффективной реализации его программы реформ.

В то время как общепринятая тенденция сводилась к тому, чтобы изображать московитов варварами, а Петра I — героем, которому принадлежала заслуга в одиночку вырвать их из состояния варварства, приобщив к искусствам и наукам, Монтескье в определенном смысле изображает ситуацию в опрокинутом виде, как бы меняя стороны ролями. Это вовсе не означает, что писатель отрицает «варварское» начало московитов, но, в отличие от своих современников, не обвиняет их в этом, а напротив, объявляет жертвами. Петр I стремился изменить нравы и обычаи своих подданных, сообщив им нравы и обычаи «цивилизованных» народов, но, преследуя в целом благую цель, он использовал те методы, которые были понятны ему самому. Он рос в атмосфере жестокости (династические интриги, кровавые восстания, пытки и смертная казнь), она была для него в самой природе вещей и потому стала его естественным орудием преобразований. Петр I прибегал к жестокости по отношению к своему народу, потому что считал его диким, однако сам был «самым диким из людей». Как могут они не быть варварами, если их наставник — варвар? Однако именно в этом, по мысли Монтескье, и заключалась роковая ошибка царя, обращавшегося со своими подданными с жестокостью, которой они не заслуживали, и хотевшего преобразовать страну путем насильственного насаждения новых обычаев, в то время как в этом не было необходимости.

Свидетельство графа де Тарука не только не противоречило представлению Монтестье о Петре I, но напротив, укрепляло будущего автора «Духа законов» в его мнении, во многом способствуя формированию негативного образа Петра-законодателя. Беспощадный портрет царя, восходящий к расказу графа, завершается ироничными словами Монтестье:

Эти вещи и многие подобные им... дают весьма дурное представление об этом герое. Он объяснял свою жестокость тем, что его народ создан для того, чтобы к нему так относились, но люди одинаковы везде. Не может быть, чтобы тут были одни скоты, а там — одни ангелы. Если они не стоят большего, в том вина законодателя [11, с. 829].

Наконец, в сборниках мыслей Монтестье содержится также ряд критических высказываний, в которых подвергается сомнению эффективность преобразований Петра I в области торговли, которая, как известно, была одним из приоритетных направлений политики царя. Полагая, что развитие внутренней и внешней торговли является неременным условием для укрепления страны, Петр I предпринял ряд беспрецедентных мер: по всей стране прорываются каналы, открывающие новые пути сообщения; обосновавшись на балтийском побережье, Петр добивается того, чтобы именно здесь, в Петербурге, находился главный морской порт, занявший место прежнего порта в Архангельске, располагавшегося на Белом море. Тем самым он вершил настоящую революцию во внешней торговле России, развернув само направление торговых путей таким образом, чтобы сократить дистанцию между европейскими и русскими портами.

Следует отметить, что проблема торговли, так же, как и проблема законодателя, является одной из чувствительных сфер интересов Монтестье. Опираясь на примеры разных стран, автор «Духа законов» одобрительно оценивает опыт тех из них, чьи законы способствовали развитию внешней торговли и, напротив, критикует политические меры, направленные на ее ограничение. Понимая торговлю как вид экспансии, Монтестье тем не менее признает ее положительную роль для всех участников торговых отношений, которая выражается в стимулировании государственной мощи и укреплении свободы [14, с. 19]. В этом плане развитие торговых отношений выступает выгодной альтернативой военному завоеванию, которое встречает жесткую критику Монтестье, расценивавшего его как форму проявления деспотизма.

Между тем, инициативы Петра I, нацеленные на развитие торговых отношений, не находят поддержки у Монтестье, чьи идеи в целом созвучны былым настроениям соотечественников царя. Одна из мыслей, зафиксированных в «*Spicilège*», гласит: «Когда царь перенес торговлю из Архангельска в Петербург, он полностью уничтожил торговлю Московии...» [11, с. 781] Писатель находит по меньшей мере восемь причин, которые, с его точки зрения, объясняют несостоятельность петровского замысла. Примечательно при этом, что почти половину из них составляют причины климатического характера: Финский залив замерзает на более продолжительное время, чем Архангельское [Белое] море; Балтийское море очень бурное, опасное; каналы большую часть времени

покрыты льдом и т. д. Таким образом, опираясь на свою климатическую теорию, Монтескье стремится доказать, что огромные риски, на которые пошел Петр I, переводя главный торговый порт России из Архангельска в Петербург, не были оправданы: согласно Монтескье, сам климат региона, который, по замыслу царя, должен был взять на себя функцию основного торгового направления страны, противоречит логике торговли, являясь мощным препятствием для ее успешного развития.

Не меньший скептицизм писатель демонстрирует и в отношении тех мер, которые были предприняты Петром I на юге страны: «Царь Петр I соединил Черное море с Каспийским с помощью канала, идущего от Танаиса [Дона] до Волги. Между тем, следовало соединять народы с народами, а не пустыни с пустынями» [11, с. 541]. Сведения об этом грандиозном начинании Петра I восходят, с большой степенью вероятности, к упоминавшейся ранее книге англичанина Джона Перри «Состояние России при нынешнем царе», использовавшейся Монтескье в качестве приоритетного источника сведений о России. Обращение к этому источнику, содержащему множество субъективных, а порой и вовсе ошибочных суждений, в данном случае оправдано тем, что автор книги и есть непосредственный участник описываемых событий, как нельзя лучше осведомленный о предмете описания: именно под началом Перри велось строительство канала, призванного обеспечить сообщение между Доном и Волгой, о чем подробно засвидетельствовано в книге. В частности, английский инженер сообщает, что, прибыв в Россию по личному приглашению Петра I для осуществления работ по строительству канала, он смог с успехом реализовать проект лишь наполовину — начавшаяся война со шведами не позволила довести начатое дело до конца [13, с. 6]. Говоря о соединении Черного и Каспийского морей как о свершившемся факте, Монтескье не очень внимателен к исторической правде, но очевидно, что правда здесь уступает генеральной идее, которая прослеживается во всей совокупности высказываний о Петре I: энергия, с которой русский царь принялся за преобразование своей страны, будь то в сфере культуры и быта или в сфере экономической, зачастую находит неверное применение. Сообщение Перри, как и многочисленные сообщения прочих информаторов Монтескье, трактуется им таким образом, чтобы дискредитировать образ Петра I как великого реформатора.

В глазах Монтескье проекты Петра I амбициозны, дерзки, поражают своим масштабом, соотносясь с натурой и обликом самого царя (в одной из своих «мыслей» Монтескье писал: «Царь был не высок, он был огромен» [11, с. 469]), однако реальный эффект от них едва ли ощутим, а порой и вовсе губителен. Восприятие личности и политики русского царя у Монтескье на всех этапах его творческой биографии далеко от идеализированного, набиравшего силу в европейской литературе, приведшего к формированию «петровского мифа». Для автора «Духа законов» истоки этого мифа следует искать в произведениях таких авторитетных писателей, как Фонтенель («Похвальное слово царю Петру I», 1725) или Вольтер («История Карла XII», 1731), однако в действительности созданный ими образ не более чем досадный предрассудок. Монтескье, по сути, демифологизирует Петра I, отказывая ему в роли творца новой России и героя эпохи Просвещения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мезин С. А. Анекдоты о Петре Великом как явление русской историографии XVIII в. // Историографический сборник. — Саратов: Изд-во СГУ, 2002. — Вып. 20. — С. 18–54.
2. Монтескье Ш.-Л. Персидские письма // Французский фривольный роман / пер. с фр., примеч. А. Бондарева, А. Михайлова, В. Жирмунского. — Москва: Эксмо, 2008.
3. Монтескье Ш.-Л. О духе законов. — М.: Мысль, 1999.
4. Трахтенберг Л. А. Сумасброднейший, Всешутейший и Всепьянейший собор // Одиссей: Человек в истории. — М.: Наука, 2005. — С. 89–118.
5. Cluny I. O conde de Tarouca e a diplomacia na época moderna. — Lisboa: Livros Horizonte, 2006.
6. Dictionnaire universel contenant generalement tous les mots françois, tant vieux que modernes, et les termes des sciences et des arts, par A. Furetière, éd. revue, corrigée et augmentée. — La Haye, 1727. — Т. I.
7. Dornier C. Les “Pensées” de Montesquieu comme espace de constitution de l’auteur // Studi Francesi. — 2010. — Vol. 161 (LIV / II) . — P. 304–314.
8. Mémoires du Chevalier Hasard. Traduits de l’anglois sur l’original manuscrit. — Cologne: Pierre Le Sincère, 1703.
9. Mézine S. La visite en France de Pierre le Grand en 1717 dans la presse francophone // Вивлююика: E-Journal of Eighteenth-Century Russian Studies. — 2016. — Vol. 4. — P. 43–58.
10. Miège G. La relation de Trois Ambassades de Monseigneur le Comte de Carlisle. — Paris: P. Jannet, 1857.
11. Montesquieu Ch.-L. Pensées. Le Spicilège, éd. Louis Desgraves. — Paris: Robert Laffont, 1991.
12. Montesquieu Ch.-L. Voyages. — Paris: Arléa, 2003.
13. Perry J. État présent de la Grande Russie ou Moscovie: Contenant l’histoire abrégée de la Moscovie: Un abrégé chronologique des Czars ou Empereurs qui y ont régné jusqu’à present: Et la relation de ce que Pierre Alexeowitz à present regnant a fait de plus remarquable dans ses Etats / traduite de l’anglois de Jean Perry. — Paris: chez Jean Boudot, 1717.
14. Spector C. Montesquieu, l’Europe et les nouvelles figures de l’empire // Revue Montesquieu. — 2005–2006. — N8. — P. 17–42. — URL: http://montesquieu.ens-lyon.fr/IMG/pdf/RM08_Spector_17-42.pdf (дата обращения: 29.07.2020).